

Раб меча, управлявший колесницей, не произвел особого впечатления. Возможно, он видел его в пещере горы Кангман в тот день. Этот человек намного старше раба меча тринадцати, который знаком с Аньчжэном. На вид ему около пятидесяти лет, но его темперамент более безразличен.

"Молодой господин, пойдёмте".

Раб меча был слегка одержим.

Чэнь Шаобай был очень вежлив со стариком: "Дядя Чэн, вы много работали".

Дядя Чэн с улыбкой кивнул и посмотрел на Су Цзиня, который стоял сразу за Аньчжэном. В их спокойных и невозмутимых глазах мелькнула мимолетная вспышка.

"Катись".

Он произнес только одно слово.

Шаги Су Цзиня оборвались, но он не ушел. Будучи главным придворным Чжао Гоцюаня, он также был братом Ван Чжао. Если бы он был отправлен в отставку сторонником другой стороны, то Чжао Го действительно потерял бы свое лицо. Конечно, теперь у Чжао Го не осталось лица.

Старый раб меча, выглядевший очень зрелым и уравновешенным, увидел, что Су Цзинь не отступил, и его глаза переполнились убийственным намерением.

Я не видел, чтобы он двигался, казалось, он стоял и не двигался. Но Су Цзинь отлетел на десятки метров назад, в его груди образовалась огромная трещина, и кровь брызнула во все стороны. Люди на стороне Чжао Го воскликнули, но никто не осмелился броситься. Они знали, насколько страшна сила Су Цзиня, но у них даже не было возможности отбиться перед стариком, и они даже не видели, как стреляли в него!

Шрам на груди Су Цзиня простирался от шеи до нижней части живота, почти разрезая всего человека. Если не его собственный уровень культивации уже высок, то этот меч может разделить его на две части. Даже если он не умрет сразу, он был так сильно ранен, что все равно будет беспокоиться за свою жизнь, если лечение не будет своевременным.

Ань Чжэн изменился в лице, посмотрел на Чэнь Шаобай, а затем выбрал себе большой палец.

Чэнь Шаобай представился: "Это дядя Чэн, а мой отец уже сотни лет ...".

Человек, известный как дядя Чэн, скромно сказал: "Молодой хозяин называл меня дядей Чэном. Старый раб был рад, но не смел. Старый раб был вторым рабом меча под дверью хозяина. Он видел Ань Гунцзы".

Ань Чжэн быстро отсалютовал: "Я видел дядю Чэна".

Дядя Чэн с улыбкой сказал: "Это действительно благословение - уважать Господа. Это счастливая жизнь - иметь сына, такого талантливого юношу, как мастер Чжу, и ученика, такого талантливого ребенка, как Ань Гунцзы".

Он сделал приглашающий жест: "Пожалуйста, садитесь в машину, давайте отправим людей обратно".

Чэнь Шаобай издал звук и сел в танк. Ань Чжэн огляделся. Практики Чжао Го и бронированные солдаты становились все более окруженными. Окрестности были непроницаемы, а военные корабли Чжао Го начали строиться. В небо поднялись по меньшей мере десятки кораблей.

Дядя Чэн сказал: "Ань Гунцзы попросил сесть в машину, а не беспокоиться об этих, группа людей со всего мира, нет ничего страшного, сколько бы людей там ни было".

Он вытащил длинный меч, привязанный за спиной, и когда Ань Чжэн сел в машину, его запястье задрожало, и на длинном мече вспыхнула слава. Где была его фигура, когда он снова посмотрел? Мгновение спустя по всему большому двору в радиусе 300 метров поднялось облако черного тумана, и туман появился в том месте, где раздался звук лязга.

Через мгновение черный туман рассеялся, и лязг прекратился.

И повсюду умирали люди.

Дядя Чэн фыркнул и поднял свой меч. Драконоподобное чудовище, тянувшее колесницу, со свистом взвилось в небо, а затем поднялось в воздух. Когда Ань Чжэн сел у окна и посмотрел вниз, у него невольно перехватило дыхание.

Внизу были убиты по меньшей мере сотни людей, их головы лежали в разных местах.

Звук лязга - это смерть. В начале черного тумана люди умирали. Но когда дядя Чэн убивал, он даже не видел своей тени.

Сотни убитых не все были закованными в броню солдатами, среди них было несколько практиков, которые не были слабыми в своем культивировании.

Фейлун подтянул колесницы к небу на небольшую паузу, а затем внезапно ускорился. Военные корабли Чжао Го не могли угнаться за скоростью колесниц, и на мгновение от них не осталось и следа.

Дядя Чэн сел в колесницу и сказал: "Человек по имени Су Цзинь не так уж мал по силе, боюсь, что в Маньчжурии есть царство третьего класса. Он просто гопник, а вы двое с самого начала поймали Ван Чжао. План противника привлек к нему всеобщее внимание, и молодой мастер добился успеха одним ударом. Если бы не это, вы оба могли бы уже давно пострадать". "

Чэнь Шаобай с улыбкой сказал: "Дядя Чэн, ты следил за мной, когда я проиграл?".

Дядя Чэн улыбнулся и покачал головой: "Уважение к Господу означает, что вы оба выйдете из машины через мгновение. Вы оба должны будете заняться важными делами. Этот старый раб короля Чжао отправит ее в город Люли к королю Яню".

Аньчжэн сжал кулаки обеих рук: "Спасибо, старший".

Дядя Чэн быстро сказал: "Не называй старого раба так. Ты ученик господина, и у тебя почти такой же статус, как у молодого господина. Как ты смеешь называть старого раба".

Ань Чжэн некоторое время не знал, что ответить, но Чэнь Шаобай, казалось, чувствовал себя более комфортно: "Дядя Чэн, когда моего отца нет дома, давайте не будем так много говорить о правилах. Мы уважаем вас, и, конечно, вы наш предшественник".

Дядя Чэн добродушно улыбнулся и посмотрел на улицу: "Это почти то же самое. Преследующих солдат позади следовало полностью отбросить, и эти двое могут идти дальше."

Ань Чжэн и Чэнь Шаобай попрощались с дядей Чэном. Когда танк нырнул, они вдвоем одновременно выпрыгнули ближе всех к земле. Поскольку скорость танка слишком велика, даже если высота составляет всего несколько десятков метров, два человека все равно некоторое время мчались вперед, чтобы устранить инерцию.

С культивированием их двоих как силы, конечно, можно жестко сопротивляться этой инерции, но этот ненужный расход силы культивирования нежелателен. Более того, при жестком торможении человеческий мозг будет гудеть. Иногда мне хочется блевать.

Двое остановились почти на одинаковом расстоянии, затем улыбнулись друг другу.

"Поехать в Дакси?"

спросила Чэнь Шаобай.

Ань Чжэн покачал головой: "Мне нужно кое-что сделать, прежде чем отправиться в Дакси".

Чэнь Шаобай скромно сказала: "Ненавижу".

Ань Чжэн: "Ты иди... давай вернемся в город Фэнъюй. В это время мастера Чжао Го должны выйти из города и преследовать нас. Мы будем ходить туда-сюда. Это нормально для военного центра Чжао Цзюня. Давайте нанесем некоторый ущерб, а затем уйдем, как огонь, который сжег зернохранилище Чжао Цзюня. "

Чэнь Шаобай: "Значит, ты нехороший человек".

Ань Чжэн: "Есть степени и степени".

Если эти два человека хотят что-то сделать, мало кто может этому помешать. Воспользовавшись суматохой в городе богатства, эти двое разом зажгли все амбары в городе богатства, а потом убежали.

Уже почти стемнело, когда я покинул город Фэнъюй, а Ань Чжэн и Чэнь Шаобай шли и болтали всю дорогу.

"Учитель сказал, что есть что-то, что нужно забрать?"

"Бусы очень важны для восстановления раны моего отца, но, конечно, золото и драгоценные вещи достать нелегко".

Ань Чжэн кивнул: "Итак, сначала я помогу тебе найти бусы, а потом постараюсь найти способ увидеть императора Чэнь Унуо из Дакси".

Чэнь Шаобай: "Ты **** сумасшедший. Если Чэнь Унуо увидит твою личность, ты точно умрешь. Он все равно не позволит своему сыну убить первого скандалиста дивизии Мингфа".

Ань Чжэн: "Я знаю, но я должен идти. Если ты сможешь убедить Чэнь Унуо, сколько людей умрет на 16-м съезде Юйянь? Я все еще понимаю Чэнь Вунуо, не без недостатков, я знаю, как заставить его передумать. . "

Чэнь Шаобай: "Слишком ленив, чтобы заботиться о тебе... Но тогда, я не знаю, что случилось с

Западным регионом.

Куда делся монах, куда опять делась обезьяна".

Энн вздохнула: "Непонятна связь между монахом и обезьяной".

Сначала двое болтали по дороге. Когда стемнело и рассвело, они были почти у южной границы государства Чжао. Дядя Чэн, раб меча второго ранга, не сразу догнал колесницу и сказал, что есть важное дело, чтобы Чэнь Шаобай ненадолго отлучился. Оба не ожидали, что их так быстро разлучат, но Чэнь Шаобай сказал, что скоро догонит их.

После отъезда из Чжао, он действительно превратился в путешествие для отдельного человека.

На южной границе государства Чжао по-прежнему тихо. Чжао Цзюнь, который находится на границе с Дакси, собирает большие силы, но Дакси не видит его фигуры, когда он спокойно идет на протяжении десятков миль. Таков разрыв между сильной и слабой страной. Чжао Го хотел мобилизовать все свои войска для защиты, а Дакси не сводил с него глаз.

Аньчжэн обошел пограничный пост Чжао Го, готовясь пересечь высокую гору, чтобы войти в Дакси. Некоторые Чжао Гуорены тоже перейдут с этой горы из-за тоски по великому процветанию Дакси. Но мало кому это удастся. Во-первых, в горах много опасных мест, и там водятся опасные звери. Во-вторых, невозможно закрепиться, достигнув Дакси.

Гордость, присущая народу дакси, позволяет им с первого взгляда распознавать чужаков.

Чтобы обезопасить нынешнюю силу Аньаня, конечно, не обошлось без свирепых зверей, которых он боялся. Чтобы уменьшить некоторые неприятности, Ань Чжэн дождался рассвета, чтобы войти в гору. Эта гора называется гора Куо Цан. Говорят, что в ней обитает множество послушных чудовищ. Они не только не вредят людям, но и могут помочь им.

Однако все не абсолютно, есть и послушные, и свирепые. Когда Ань Чжэн начал входить в гору, он еще мог пройти по нескольким небольшим дорогам.

После долгого хождения дорога исчезла. К счастью, пока идешь на юг, можно не беспокоиться о том, что заблудишься. Добродушный кот-добряк, который всю дорогу был честен, вдруг проснулся, войдя в гору, и Аньчжэн обнаружил, что добряк съел столько всего вкусного... что совсем не вырос.

Шань Е проснулся с зевком, затем потянулся, лениво забрался на плечо Аньчжэн и присел там на корточки, глядя вперед.

"Ты что-то учуял?"

сказал Ань Чжэн с улыбкой.

Шань Е фыркнул, не определившись. Дорога становилась все более пересеченной, идти в одиночку не было никакой возможности. По пути мне попадались небольшие монстры, которые выглядели очень послушными, и Ань Чжэн не выходил на охоту. Этим мелким тварям было трудно выжить, так зачем идти и убивать их.

Охотники нацелились на этих послушных монстров, чтобы начать, а еще они могут собрать кристаллическое ядро монстров и продать его для безопасности.

У Шань Е не было никакого желания смотреть на маленьких тварей. Иногда он прыгал и играл с ними некоторое время, но эти маленькие существа боялись Шан Е. Ведь Шань Е - самый могущественный монстр... на свете.

Ань Чжэн не мог не думать о том, что значит начать реинкарнацию Шань Е, действительно ли реинкарнация существует?

Как раз когда он приближался к вершине горы, Шань Е внезапно поднял голову и закричал, а звезды в его глазах начали разгораться.

Шаги Аньжэня были завершены, а затем была вызвана чешуя священной рыбы. Шань Е поднял красивую маленькую лапу и указал влево, и Ань Чжэн пошел к нему.

Лес был густой, и Ань Чжэн шел сквозь ветви Хань Сэна.

Тут впереди послышался звенящий стон. Это был не женский стон в определенные моменты, а какой-то жуткий звук, очень тихий, но когда я его услышал, то махнул рукой Не уходи.

Лицо Ань Чжэна изменилось, потому что он увидел что-то лежащее рядом с камнем впереди.

Эта тварь выглядела как человек, в потрепанной одежде, и в ней нельзя было разглядеть мужчин и женщин.

Под путаницей волос лицо этой твари выглядело жалким белым, даже немного голубоватым.

А глаза у этой твари были багровыми.

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2183251>